

Сергей САКАНСКИЙ

ШАХТА

Роман

Ворота в
преисподнюю

Сергей Саканский

Шахта. Ворота в преисподнюю

«Автор»

2012

Саканский С. Ю.

Шахта. Ворота в преисподнюю / С. Ю. Саканский — «Автор», 2012

Нечто чудовищное обитает в заброшенной шахте, манипулируя людьми, заставляя их совершать жестокие убийства. Семилетний Иван чудом спасся, когда двое неизвестных застрелили его родителей. Мальчишку увезли в другой город, приняли в новую семью, но странные преследователи разыскали его. Теперь, через много лет, он отправляется на поиски этих людей и готов отдать жизнь за то, чтобы разгадать страшную тайну шахты. На своем пути он встречает женщину, с которой в детстве произошли точно такие же события. Связанные общей целью, они движутся навстречу неведомому и, одновременно, – навстречу любви, которая может стать вечной в самом прямом смысле этого слова.

© Саканский С. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Смерть смотрит из-за туч	6
Преследователи	10
Его вторая жизнь	15
Этого не могло не случиться	19
След чудовища	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Саканский
Шахта
Ворота в преисподнюю

А вдоль дороги – мертвые с косами стоят...
Советский кинофольклор

На обложке: шахта Цольферайн в Эссене, Сев. Рейн-Вестфалия.

Смерть смотрит из-за туч

Свят лежал в полной темноте, в тишине, не помня, как оказался здесь, да и вовсе не соображая, что это вообще такое – *здесь*. Может быть, это – просто-напросто смерть. Они все-таки добрались до него. Более, чем через сорок пять лет с того дня, когда все это началось.

Перед глазами пульсировали два кипящих круга, боль носилась по всему телу, бросаясь то в правый бок, то в левую ногу. Жив, конечно, если чувствует боль, и не они добрались до него, а он – до них, поскольку место, где его завалило, и есть шахта.

Внезапно вихрь, который кружился в голове, мешая и перемалывая все ее содержимое, замер, и мысли, опадая вниз, словно фигуры тетриса, застыли сплошной и страшной стеной, и Свят осознал все: и то, что он находится на глубине нескольких сот метров под землей, и то, что где-то рядом, в соседней штольне, стоит невообразимый ужас, о котором лучше не думать, чтобы сейчас же не сойти с ума, и наконец то, что он в этой шахте был не один, а с Настей.

– Настя! – закричал он, понимая, что она должна быть совсем близко, может быть, на расстоянии вытянутой руки, которую, впрочем, он никак не мог протянуть.

– Настя! Настенька! Анастасия! – повторял он все ее имена, словно ища среди них волшебное слово.

Ответом был ровный гул шахты – в сущности, тишина, но только из этого едва слышного гула и состоящая, еле уловимого звука, который так потряс Свята еще в детстве, когда отец, в нарушение всех правил, взял его с собой на глубину, вместе с экскурсией школьников, а отец сам, будучи не простым шахтером, а инженером, и проводил эти экскурсии, в порядке общественной нагрузки...

Свят едва мог пошевелиться, поскольку со всех сторон его тело сжимали камни, и Насте он помочь не мог, даже если она лежала где-то рядом и еще оставалась в живых. Смерть, вероятно, все же была близка, но он почему-то не страшился этой близости, и другое занимало его: сейчас, как никогда прежде, он подошел к самому краю тайны, что мучила его всю жизнь – тайны матери и отца.

В наши дни они бы уже справили свои семидесятилетние юбилеи и золотую свадьбу, но, возможно, их уже и не было бы на свете. Свят на много лет пережил их и, как ни напрягал воображение, представить не мог, что папа, сидевший за письменным столом в большой комнате, и мама, чистившая картошку на кухне – суть совсем еще молодые люди.

В тот вечер в шахтерском поселке, как это часто бывало, отключили электричество, но жизнь продолжалась. Свят сидел у окна в спальне и смотрел с высоты, как именно продолжалась жизнь. Дом их стоял на пригорке, и весь поселок расстилался под ним, словно разноцветная скатерть. Если мама шла в магазин, то Свят долго видел ее: как маленькая зеленая шубка то появлялась, то исчезала на изворотах улицы. Отец и мать работали на шахте в разные смены, чтобы домовничать с сыном, и Свят любил сидеть у окна, то утром, то вечером, ожидая то мать, то отца, то зеленую игрушечную фигурку среди крыш, то коричневую. Когда выключали свет, он также спешил, задевая стулья, к окну спальни, чтобы посмотреть, как темный поселок оживает, как зажигаются и трепещут разными цветами окошки – от свечей и керосиновых ламп.

Где-то внизу гудела машина, тяжело взбираясь по склону холма. Вдруг отчетливо мяукала кошка. Свят сорвался с места и бросился в комнату. Отца отвлекать было нельзя: он сидел за столом при свече и писал диссертацию, мать чистила на кухне картошку, складывая ее на столе в виде небольшого террикона.

– Мамка! – громким шепотом сказал Свят. – Там кошка мяучит.

Мать поцеловала Свята в макушку.

– Это не наша, – с грустью сказала она, так же шепотом, чтобы не мешать отцу.

Кошка пропала несколько дней назад, и Святю было скучно без нее и жалко ее, потому что все думали, что она где-то погибла – попала под грузовик или свалилась в старый шурф.

Свят вернулся на свой наблюдательный пункт, на подоконник спальни. Снаружи все было по-прежнему: так же прятался за облаками месяц и ехала по улице машина, теперь гораздо ближе. Давно уже должен был показаться свет ее фар, но Свят ничего не видел. Кошка больше не мяучила. Наверное, это и вправду была другая, например, соседская Журка, которая просилась домой, и теперь ее впустили. Невидимая машина подъехала совсем близко и остановилась. Странно, что водитель всю дорогу не включал фары. Свят было подумал, что фары у машины не работают, потому что света в поселке вообще нет, но быстро отменил эту смехотворную мысль и вскоре вообще забыл о машине.

Скрипнула калитка, и две темных фигуры возникли во дворе. Свят решил, что это шахтеры – идут к отцу. Вот они остановились посреди двора и заговорили о чем-то, разводя растопыренными ладонями. В этот момент клочок неба над крышей дровяного сарая засветился, будто кто-то зажег за облаками лампу, и в небе открылось круглое окошко, откуда выглянул тонкий серебристый месяц.

Свят удивился, увидев в этом свете, что и лицо одного из незнакомцев также похоже на месяц: у него был острый, далеко выдающийся подбородок и выпуклый лоб. Другой человек был ничем не примечателен, но Свят хорошо запомнил его лицо, именно его простую, дядьковскую невыразительность.

Одно было ясно: никакие они не шахтеры, потому что всех шахтеров, приходивших к отцу, Свят хорошо знал, и тут только он сообразил, что эти люди приехали на машине, которая кралась по темной слободе, как хищник на охоте.

Ему стало страшно. Он выбежал из спальни, но тотчас успокоился, увидев спину отца, остановился на пороге комнаты, обеими руками схватившись за дверной косяк. Эту свою способность он открыл не так давно: то, что он теперь такой большой, может дотянуться до обоих столбов сразу и может, крепко за них уцепившись, раскачиваться взад-вперед.

Отец сидел за столом, его плечо подрагивало, потому что он быстро-быстро писал. В проеме кухни, мерцающем от пламени керосиновой лампы, склонилась над ведром мать, прядь волос упала ей на лоб, она сдула ее. Было слышно, как хрустит картофельная кожура, как посвистывает на бумаге карандаш. Такими и запомнил Свят своих родителей навсегда.

В дверь постучали. Мать воткнула нож в картофельный террикон и быстро вытерла руки о фартук. Пока она шла открывать, стук повторился громче. Отец повернул голову, блеснули стекла его очков, отразив свечу.

В сенях послышались голоса: один – зычный, мужской, другой – голос матери. Она вскоре вошла в комнату, улыбаясь и разводя руками. Сказала отцу:

– Ничего не понимаю. Наверное, это к тебе...

В этот момент что-то щелкнуло, будто лопнул стручок. Мать вздрогнула, вскинула руки и легко осела на пол, ее синяя юбка коснулась полосатого коврика, а мать все валилась и валилась, пока не застыла, раскинув белые руки, словно брошенная кукла.

– Да что там такое! – вскричал отец, вскочил, отшвырнув стул, тот перевернулся кверху ножками.

Человек с лицом-месяцем стоял на пороге, в его руке был пистолет. Свят увидел, как палец нажал на курок, снова раздался треск лопнувшего стручка, и отец повалился, запутавшись в опрокинутом стуле.

Страшный незнакомец теперь посмотрел на Свята и повел пистолетом, направив ствол прямо ему в лицо. Другой человек вошел в комнату и присел над распростертой матерью.

Много позже Свят не понимал, откуда у него, семилетнего, взялось столько сил, хитрости, фантазии... Отчетливо вспомнив, что кошки, когда они хотят от кого-то убежать, бросаются не назад, а вперед, прямо под ноги человеку, он проделал то же самое: обеими руками толкнул

дверной косяк, перевернулся и быстро покатился по ковру, кувыркаясь, как он любил делать на радость матери.

Перевалив через середину комнаты, Свят понял, что на какое-то очень короткое время оказался в безопасности, так как человек-месяц не мог выстрелить, опасаясь попасть в своего товарища. Свят вкатился в кухню, вскочил на ноги, увидел перед глазами гору очищенной картошки с воткнутым в ее вершину ножом...

Тут же ему стало ясно, что теперь он совершенно незащищен, хорошо виден в свете керосиновой лампы, и Свят, как это было в каком-то кино, наотмашь ударил по лампе, столкнув ее со стола.

Последствия были самыми неожиданными, а света стало неизмеримо больше, так как керосин вылился, и лампа покатила по полу, разворачивая за собой широкую ленту огня.

Свят спрятался под стол: так это должно было выглядеть со стороны. Из комнаты донесся басовитый хохот взрослого, но мальчишка уже знал, что спасен. Под столом был лаз в маленький погребок, и пока ноги убийцы, переступая через пламя, победоносно приближались, Свят нащупал на полу кольцо. Из-под крышки подул холодный ветер, запахло плесенью.

Теперь Свят был под домом, он хорошо знал дорогу, поскольку часто играл в этих таинственных местах. Сам погребок, где хранилось варенье, был ниже по лестнице, глубже, а эта комната служила подвалом дома, откуда, между прочим, наружу вело окно, через которое лазила кошка.

Вскоре Свят оказался во дворе, он быстро добежал до калитки и вырвался на улицу. Уже через колышки забора увидел, что окно кухни мерцает дрожащим розовым светом: это горел керосин.

Свят побежал что было мочи. Он миновал машину, стоящую чуть ниже по улице. Лишь пробежав еще несколько шахтерских домов, где в окнах мерцали лампы и свечи, понял, что надо было запомнить номер машины, остановился, развернулся, но возвращаться не стал: страх приказывал бежать отсюда как можно дальше. То, что он увидел вдали на пригорке, заставило его вскрикнуть. Окно кухни трепетало пламенем: это горела розовая занавеска. Два других окна – спальни и большой комнаты – часто мерцали, будто за ними зажглись новогодние елки.

В конце улицы раздался крик:

– Пожар! Пожар!

Тут же заработала машина и, теперь уже не скрываясь, а шаря зоркими лучами фар по воротам дворов, быстро поехала вниз. Свят метнулся к забору, открыл чью-то калитку, спрятался за нею. Машина пронеслась мимо, за стеклом мелькнул серповидный профиль человека-месяца: его губы были плотно сжаты, глаза устремлены на дорогу. Второй человек сидел сзади и увязывал какой-то мешок. Свят понял, что убийцы успели что-то вытащить из горящего дома.

Хлопнула дверь.

– Это же Ванечка! – раздался взволнованный женский голос. – Это же его дом и горит.

На крыльце стояли дядя Женя и тетя Люба. Свят сообразил, что как раз в этом дворе они и живут, – родители Пашки и Петьки, ребят, с которыми он играл. Где-то далеко внизу протяжно завывала сирена.

– Пожарные! – сказал дядя Женя. – Но не успеют уже. Сгорит дом.

На пригорке, там, где был дом, стоял теперь широкий столб света, внутри его летели искры.

Женщина присела перед Святом на корточки, взяла его за плечи.

– Ванечка, а мамка с папкой где?

* * *

Ваня, Иван Клепиков – таково было его первое имя, которое он уже и не вспоминал, поскольку более сорока лет был Святом.

Ночь пожара и несколько последующих он провел у соседей на раскладушке, в комнате, где спали Пашка и Петька. Оба мальчика не звали его с собой играть, смотрели на него с отчуждением: ведь теперь он был совсем другим, нежели они, потому что у него убили родителей. Потом приехала тетя из Курска и увезла Свята с собой.

Они ехали на автобусе, потом – на поезде, он залез на верхнюю полку и спал под частый стук колес, и новое место его жизни показалось совсем близким, хотя он и знал, что Курск – это очень далеко от его шахтерского поселка.

Была весна, дни становились все светлее, Свят нашел новых друзей во дворе, и те, так же, как Пашка и Петька, порой сосредоточенно молчали, пытливо поглядывая на него, наверное, пытаясь понять, о чем может думать мальчик, у которого прямо на глазах убили родителей, да и его самого чуть было не убили.

Осенью Свят пошел в школу, в первый класс. Новая жизнь захватила его. В Курске все было по-другому: дом тети Шуры был многоэтажным, в этом большом городе надо было бегать по лестницам, кататься на лифте, трамвае и автобусе, переходить широкие улицы, когда светофор засветится зеленым.

Ребята и девчонки, которые учились в его классе, были из других дворов, они уже и не знали о том, что произошло в шахтерском поселке, и Свят среди них был самым обыкновенным мальчишкой.

Воспоминание о родителях будто тонуло в его голове, опускаясь все ниже и ниже. Как-то раз тетя Шура повела его на кладбище, где была похоронена ее сестра, то есть – это была и матери тоже сестра – покойная тетя Даша. На могиле тети Даши цвели крупные белые астры, а по черной плите неторопливо шагал паук-косиножка.

Тетя Шура осторожно взяла косиножку двумя пальцами и перебросила через ограду.

– Нечего тебе тут делать, – сердито сказала она.

В ходе этой операции косиножка потеряла одну свою лапку: она лежала на могильной плите и косила. Тетя Шура смахнула лапку с плиты носком башмачка.

– Осень уже, – сказала она. – Слабая косиножка, умирает. Ножки свои теряет где попало.

Одна простая мысль вдруг пришла Святу в голову.

– Тетя Шур! – сказал он. – А мы поедем на поезде на то кладбище, где мама и папа похоронены?

Тетя Шура косо глянула на него и сказала:

– Это невозможно, – ответила тетя Шура, почему-то отведя глаза. – Я тебе потом объясню.

Но это самое «потом» так и не состоялось, поскольку вдруг произошли события, после которых никакого «потом» уже просто и быть не могло...

Преследователи

Все началось с тетрадки, обыкновенной тетрадки в косую линейку, где Свят старательно выводил палочки и крючочки. Кто-то просто украл у него эту тетрадь.

Такой случай не имел бы никакого значения, кроме, разве что, обиды, поскольку учительница решила, что он лжец, и просто-напросто не написал должного количества крючочков и палочек дома, и вот теперь врет, что тетрадку украли. Кому она нужна?

– Может быть, ты оставил ее в раздевалке? – сказала учительница, строго посмотрев на Свята из-под больших очков, нечеловечески коверкавших ее глаза.

Свят сбежал по широкой лестнице вниз, бросился в раздевалку, осмотрел пол и подоконник: тетрадки не было нигде. Вот и его курточка, синяя, которую купила ему недавно тетя. В курточке также не было да и не могло быть никаких тетрадок, как и вообще – в раздевалке. Чего-то в этой курточке не хватало... Впрочем, не в этом дело: Свят стоял между рядами одежды, которая топорщилась на крючках, будто какая-то пузатая гвардия. Он грыз ногти и думал. Тетрадку могли украсть только из портфеля. Он ясно помнил, как положил ее вчера вечером в портфель, открыл даже, прежде чем положить, и еще раз оглядел ровные линейки крючочков и палочек, вполне довольный своей работой.

На большой перемене их всех водили кормить, построив парами. Класс в это время оставался пустым, не запертым. Значит, кто-то вошел в класс и украл его тетрадку. Святу почему-то стало страшно. Он прижался к своей курточке, погладил ее, сказал:

– Курточка. Моя курточка.

Он понял, что вот-вот заплачет, и ему вдруг стало стыдно перед самим собой... Но что это? Ах, да, курточка. Теперь он увидел, чего на ней не хватало: кто-то отпорол бирку с его именем, которую тетя пришила на воротник.

– Значит, ты оставил тетрадку дома, – холодно сказала учительница. – Был бы ты хотя бы во втором классе, я бы послала тебя сейчас же домой за тетрадкой.

Пока Свят шел между рядами, отовсюду слышались смешки. Кто-то поставил ему подножку: мальчик чуть не упал, оперся о чужую парту и застыл, будто палочка на косой линейке. Сел на свое место, продолжая напряженно думать обо всем, что произошло.

– Не грызи ногти! – крикнула на него учительница.

Свят спрятал руку в карман. Итак, у него украли тетрадь и отпорол бирку от куртки. То и другое должно быть связано. Не может быть так, чтобы украл один человек, а отпорол – другой. Зачем?

Страх, который поселился глубоко внутри, с той самой минуты, когда он сбежал по улице вниз, прочь от горящего дома, не раз и не два за день пронзал все его тело – так, что холодила пятки. Этот страх овладевал им порой совершенно неожиданно, от самых незначительных мелочей, и Свят не мог объяснить его.

После школы и продленки, уже в сумерках, его встречала тетя Шура. Он рассказал ей про тетрадь и показал курточку, признался, что ему отчего-то стало страшно.

– Кто-то подшутил над тобой, – говорила она, надевая и оправляя на его голове шапочку, которую сама и связала, – а ты и распустил нюни. Нельзя быть таким соплей! – тетя вдруг повысила голос, будто бы Свят был сам виноват в том, что у него украли тетрадь. – Тебе предстоит большая, трудная жизнь. Надо стать настоящим человеком.

Свят засопел, утер кулаком нос. Странные это были слова, что он не раз слышал и от тети, и от учительницы. *Стать настоящим человеком...* А теперь он кто – зверушка какая-то?

– И что ты такой бледненький? – с раздражением сказала тетя. – Уж не заболел ли?

Свят был бы не прочь заболеть, школа не нравилась ему: все почему-то хотели как-то поддеть его, толкнуть или обозвать. Он не сразу понял, что лично к нему это не имеет никакого

отношения – просто каждый задевал каждого, это был стиль самой школьной жизни, да и стиль жизни вообще, и нынешней, и грядущей.

Через несколько дней, в субботу, они с тетей поехали по магазинам на городском трамвае. Тетя редко оставляла его одного – и дома, и на улице, считая, что такой маленький мальчик всегда должен быть где-то поблизости. Вот и сейчас она отлучилась лишь ненадолго, зашла в универмаг. Свят стоял на ступеньках и смотрел на пустую улицу, стараясь правильно сосчитать окна домов. Вдруг к нему подошла какая-то женщина с коляской, сказала:

– Мальчик, покарауль, пожалуйста, моего ребеночка, а я в магазин схожу, – и, не дождав-шись ответа, скрылась за стеклянными дверьми, оставив крепкий цветочный запах своих духов.

Ребенок в коляске был укрыт кружевным одеяльцем, высовывался только его розовый носик. Странно, но этот носик показался Святу знакомым...

В конце улицы он увидел машину – это была «Волга». Свят уже хорошо разбирался в марках автомобилей. Еще в шахтерском поселке он поражал сверстников тем, что мог безошибочно сказать:

– Это иностранка, – так в те далекие годы именовали иномарки.

Сверстники пучили глаза:

– Ты что – знаешь все иностранки?

– Конечно, – весомо отвечал Свят.

Они понимали, что иностранок неизмеримо больше, чем наших, и знать все иностранки – совершенно невыполнимое дело, удивлялись на Свята и не могли догадаться, как у него получался такой фокус. А ведь все было довольно просто: для того, чтобы определить иностранку, достаточно всего лишь знать все отечественные марки, которые можно по пальцам пересчитать.

Машина медленно двигалась вдоль тротуара, приближаясь. «Волга», как и та, на которой приехали убийцы. Ну и что? Мало ли на свете таких белых «Волг»?

Свят почувствовал непонятную тревогу, ему захотелось, чтобы женщина поскорее вернулась и забрала коляску. Розовый носик ребенка по-прежнему высовывался из под кружевного одеяльца. Свят решил посмотреть ребенка и отдернул ткань. То, что лежало в коляске, не было ребенком. Вот почему Святу показался знакомым курносый кукольный носик – это и была кукла, большая кукла, точно такая же, что у соседской девочки Нюши. В тот же момент «Волга» взревела мотором и рванулась вперед. Свят понял, что кукла в коляске и машина связаны между собой, что именно потому она сейчас едет к нему, что люди в машине *увидели*, как он отшатнулся от куклы, более того, это и есть *та же самая машина*...

Свят бросился в магазин и тотчас почуял цветочный запах, наткнувшись на женщину, которая стояла прямо за дверью. Вовсе она ничего не покупала, а просто ждала его тут. Она цепко схватила Свята за локоть.

– Куда же ты, мальчик? А где колясочка моя?

– Колясочка ваша... Колясочка... – задыхался Свят. – Вы... Вы...

В этот момент над ним нависла голова тети Шуры.

– Ты что это здесь?! – сердито воскликнула она. – Где я сказала меня ждать?

Испугавшись гнева тети, Свят на секунду забыл обо всем, лишь отметил, что рука чужой женщины отпустила его. Женщина исчезла, а тетя опустилась перед Святом на корточки и принялась поправлять его шарф и шапочку, попутно ворча и отчитывая его. Увлекаемый тетей Шурой к выходу, Свят видел, как поодаль женщина и еще кто-то, неразборчивый, засовывают детскую коляску в багажник «Волги».

На следующий день было воскресенье, а в понедельник на перемене к Святу подошла Зойка Цветкова и толкнула его в плечо.

– Там тебя вызывают, – сказала она. – Дядя твой пришел.

– Нет у меня никакого дяди, – буркнул Свят и снова уткнулся в книгу, которую читал.

Он и сейчас помнил, что это была за книга: «Муравей Ферда». Веселый, красивый и очень умный муравей, всегда красуясь своим галстучком в горошек, вдруг задрожал перед ним, будто и сам испугался, теряя все свои горошины, которые, казалось, сыпались с листа прямо на колени читателю.

– Дядя тебя ждет, – настаивала Зойка, над партой раскачиваясь. – Внизу, в раздевалке.

Свят захлопнул книгу. Надо пойти посмотреть, просто пойти посмотреть, чтобы убедиться: да, дядя действительно есть, просто он раньше не знал о нем. Самый настоящий дядя, брат тети, как сама тетя – сестра матери.

То есть, дядя должен быть и матери братом, – думал Свят, сбегая вниз. – Но никто раньше не говорил о нем. Значит, никакого дяди все-таки нет.

Свят выглянул из-за угла в коридор. В конце раздевалки, улыбочиво разговаривая с техничкой, которая сидела на своем обычном месте у двери, стоял незнакомый человек. Дядя.

Свят подошел и остановился перед ним.

– А вот и Ванечка! – воскликнул дядя, называя его так, поскольку Святю в еще несколько часов оставалось носить свое прежнее имя. – Ну, что, Ваня? Я должен тебя отвезти домой, к тете Шуре. Тебя ждет большой сюрприз, подарок, – добавил он, беспокойно стрельнув в сторону глазами, поскольку Свят, похоже, не смог скрыть своего страха.

– Но у меня уроки, – пролепетал он.

– Ничего, я уже договорился с директором. Давай, шевелись. Бери курточку и поедем. На машине прокатишься... – заговорщически добавил он.

На машине! – мысленно повторял Свят, идя вдоль ряда пузатых гвардейцев по раздевалке. С некоторых пор это слово стало для него страшным, как и многие, казалось бы, совсем обыкновенные вещи.

Вот и курточка. Тетя опять пришла к воротнику бирку с его именем. Но почему – курточка? Откуда дядя знает, что у него курточка, а не, скажем, пальто или плащик?

Свят надел ее, высоко подняв руки. Ряды вешалок скрывали его от незнакомца. В конце рядов светилось окно. Свят подбежал и выглянул на улицу, толком не зная, что он хочет там увидеть. И увидел. Перед школой стояла «Волга». Та самая. Место за рулем было пусто. Но справа сидел, опустив голову и что-то читая – Человек-месяц.

В тот момент Свят впервые в жизни ощутил то, что случится с ним еще не раз в будущем – как волосы встают дыбом на голове.

Из раздевалки был только один выход – туда, где ждал его «дядя».

И вновь, как и тогда, подражая кошке, Свят двинулся прямо на него. Тот шутиливо раскинул руки, будто бы шутиливо... Свят увернулся.

– Я в туалет, – на ходу сообщил он.

Незнакомец опустил руки, шлепнув себя по бокам.

– Ой, да и я, пожалуй, зайду на дорожку, – сказал он.

Свят услышал за спиной его тяжелые шаги. Всё. Конец. Вырваться не удастся. Тут подала голос техничка:

– Да там унитазы детские!

Незнакомец остановился.

– Да я уж как-нибудь... Того...

– Нет, – строго сказала техничка. – Для взрослых у нас другая уборная, в противоположном конце коридора.

Свят свернул за угол. Открыл и закрыл дверь туалета, чтобы казалось, будто он вошел. Ему и правда сильно хотелось – от страха, но времени не было: считанные секунды.

Здесь был пожарный выход из школы. Свят с трудом повернул задвижку, которая будто окаменела под его пальцами. В лицо дунул пронзительный холодный воздух. Свят побежал

прочь от школы, через спортплощадку и огород, достиг ближайшей улицы и кинулся во дворы. Так, дворами, он и пошел, и шел довольно долго, не ведая куда – мимо одинаковых песочниц в виде облупленных мухоморов, мимо детских качелей, вяло болтавшихся на ветру.

Большой, нескончаемый город. Свят и представить не мог, где его край и как далеко до этого края. И вот, во всем этом городе, негде спрятаться от убийц.

Сколько их было? Человек-месяц – один. Тот, кто был с ним в шахтерском поселке – другой. Женщина с коляской – третья. «Дядя» – четвертый. Теперь Святю казалось, что он и прятал в багажник коляску. Что это была за банда? За что они убили его родителей и почему хотят убить его, разыскав даже в другом городе?

* * *

Разыскали и долго следили за ним... Святю стало ясно: неспроста он испугался, когда пропала тетрадка, когда оторвали бирку от курточки. Все это также было их рук дело, только вот зачем им тетрадка и кусок материи?

Домой идти было нельзя: ведь если они знали его школу, то знали и дом. Можно было пойти к тете: она работала заведующей библиотекой, совсем рядом – Свят часто сидел там вечерами, листая книги под лампой, чтобы потом вместе с тетей пойти домой. А что, если тетя заодно с ними? Ведь он тогда пытался рассказать ей про куклу в коляске, но она просто подняла его на смех. Он настаивал на своей правоте, заплакал. Он стоял перед тетей, задрал голову, тряс кулаками и говорил, что эти самые люди, он знает, убили его родителей. И тогда тятя ударила его по щеке. Такое случилось впервые. Мать, конечно, шлепала его, но тетя – никогда.

Он вспомнил, как она вязала ему шапочку, бормоча и чертыхаясь под нос, как грубо вертела его на месте, примеряя шапочку...

Нет, не пойдет он к ней в библиотеку. Все это вдруг показалось ему какой-то далекой, уже прошедшей жизнью, будто он уже догадался, что никогда больше не вернется к тете – ни в библиотеку, ни домой. Все это было в прошлом: и коричневый дом с лифтом, и библиотечная лампа, и световой под лампой круг...

Он вышел на железнодорожные пути и двинулся вдоль линии. Его обогнал товарный поезд, очень длинный, Свят остановился и сосчитал вагоны. Затем прошел навстречу пассажирский поезд, на боках вагонов мелькала белая табличка с надписью, мелькала быстро. Свят, читавший еще с усилием, успел таки схватить слова на последнем вагоне: «Севастополь-Москва».

Вот бы сейчас ехать в этом поезде – и ни куда-нибудь, а в Москву! Поезд унесся, оставив за собой след из крепкого, особенного запаха поезда, который Свят запомнил, когда они с тетей ехали в этот город...

Шагая по путям, Свят оказался на вокзале. Там стояла электричка, пассажиры бежали, Свят медленно шел мимо вагонов, кто-то второпях толкнул его, остановился, взял за плечи:

– Мальчик, ты с кем?

– С папой и мамой! – Сказал Свят и вдруг, неожиданно для самого себя запрыгнул в вагон.

Много позже, вспоминая свою жизнь, он обнаружил, что это была самая первая ложь, которую он помнил, а ведь потом, в его детской и взрослой жизни, ему пришлось лгать очень много, лгать постоянно и фундаментально.

Двери сомкнулись, и электричка тронулась. Народу было немного, Свят нашел место у окна и сел, отвернувшись.

Он ехал непонятно куда и неизвестно зачем. За окном разворачивалась картина, столь удивительная и прекрасная, что Свят не смел отвести глаз. Перед ним расстилалась сама бесконечность, голубая равнина, огромная, как жизнь. От этих медленно вращающихся полей веяло

чем-то таким сладким, таким спелым и недоступно-таинственным, что хотелось смотреть и смотреть, и уже час прошел, и другой, а он все сидел и сидел в оцепенении, и казалось, что все это – огромный, счастливый сон, и ни за что на свете не хотелось ему пробуждаться.

Темнело, в глубине полей светились огни. Странное чувство овладевало Святом – это была грусть, но какая-то добрая и светлая, и почему-то замирало в груди, словно в ожидании подарка или мультфильма, который вот-вот начнется по телевизору. Далеко-далеко, среди высоких деревьев, виднелся дом с белой стеной, в этом доме вспыхнуло окошко – в тот самый момент, как Свят посмотрел на него. И дом, и деревья, растущие над ним, словно гигантские грибы, двигались вместе с поездом, но все же чуть отставали. Свят подумал, что вот так теперь уходит, отстает от него не этот чей-то дом, а дом вообще, и только месяц навсегда останется с ним, потому что месяц, узкий серп, возникший теперь на месте ушедшего солнца, всегда был на одном и том же месте, ехал и ехал за ним.

В вагоне зажегся свет, Свят увидел свое отражение в стекле, а весь заоконный мир теперь смешался с его маленьким круглым лицом. Поезд пошел очень медленно, пассажиры поднимались, снимали вещи с полок, надевали береты и шляпы. Вскоре все сгрудилось в две тесные очереди у дверей. Свят догадался, что электричка остановится и больше никуда не пойдет...

– Мальчик, ты с кем? – услышал он точно такие же слова, но теперь их произнесла толстая старушка.

– Меня на вокзале тетя встречает, – сказал он, и это была его вторая ложь.

На перроне, куда он вышел, к нему опять подошла толстая старушка, но теперь уже схватила его за руку.

– Ну, и где же твоя тетя? – спросила она.

– Не знаю, – сказал Свят. – Вот, сейчас она придет.

И оглянулся, утверждая свою ложь, будто бы ища глазами тетю.

– Подождем ее вместе, – сказала старушка. – А если она не придет, – многозначительно добавила она, – отведу тебя в детскую комнату милиции.

Это в наши дни никому нет дела до мальчика, который едет один в электричке между двумя крупными городами страны, но тогда, в середине шестидесятых, все было не так, как сейчас: не было ни дразнящих рекламных плакатов, ни сплошного потока иномарок на улицах, и люди в стране жили совсем другие.

– Как тебя зовут? – спросила старушка.

Свят молчал, нахмурившись. Ему вдруг открылась правда, вернее, часть правды о себе самом. Имя – вот причина всему, что происходило с ним последние дни. На тетрадке было его имя. На бирке от курточки – тоже. Убийцы нашли его по имени, и только в имени было все дело...

– Ты что же, мальчик? Забыл, как тебя зовут? – старушка пылливо смотрела на него, хитро прищурившись.

Свят потер лоб. Разве бывает, что человек забыл свое имя? – подумал он. Старушка вдруг нахмурилась, взяла его за плечи и резко развернула к себе. И вдруг подсказала ему решение:

– А если и правда? Такое на войне случалось.

– Я... – неуверенно произнес Свят. – Не знаю, как меня зовут.

Его вторая жизнь

Его держали в привокзальной милиции до утра, рассчитывая, что кто-нибудь заявит о пропавшем мальчике, затем отвезли в больницу. Врачи быстро осмотрели его, присоединили разноцветные провода к голове и запястьям, заставили кружиться на месте и бегать по комнате.

– Никаких ушибов, повреждений нет, – сказал доктор. – Чрезвычайно странный случай амнезии.

Свят хорошо запомнил это новое слово. Потом его отвели в другой кабинет, с большим деревом, растущим в кадке у окна, и женщина-врач в толстых очках долго разговаривала с ним. Дерево, как уже потом, вспоминая все это, понял Свят, было фикусом, врач – психиатром.

Она спрашивала его, помнит ли он маму и папу, и Свят сказал, что не помнит, закусив губу. А помнит ли он какую-нибудь комнату, какой-нибудь дом? Нет. А собаку, кошку?

И так далее. Мало-помалу Свят понял, что женщина-врач настораживается, подозревая его во лжи, и что на самом деле он должен помнить из своей жизни хоть что-то.

Тогда Свят описал кошку, ту самую, которая жила у них в доме и пропала. Врач стала расспрашивать, где сидела кошка, что она ела, но хитрый Свят этого не помнил, что было на самом деле правдой: он забыл, что ела кошка.

– Хорошо. Кошку ты помнишь. А человека? Какого-то человека, любого, ты помнишь? – спросила женщина-врач.

Свят понял, что должен все же рассказать о каком-нибудь человеке и стал описывать дядю Бобу. Был у них в поселке такой дядя Боба, которого все любили. Он часто приходил в гости к ним в дом, сидел за столом и ел. Даже кошка любила дядю Бобу: она всегда прыгала к нему на колени и сворачивалась в клубочек под его большим животом, что был обтянут полосатым вязаным свитером.

– Дядя Боба был лысым? – спросила женщина-врач.

– Нет, – сказал Свят. – Дядя Боба был рыжим.

– Хорошо. А была у дяди Бобы борода?

И так далее. Свят хорошо помнил дядю Бобу, который, в отличие от других взрослых, которые всегда разговаривали только между собой, находил всякие добрые слова и для него. Теперь он чувствовал, что стоит на верном пути: врачу нравилось, что он помнит хотя бы дядю Бобу, и Свят уже совсем разошелся, описывая его полосатый свитер, его крупную рыжую голову...

Вряд ли доктора пришли какому-то определенному заключению, думал впоследствии Свят. Главное, они представить себе не могли, что такой маленький мальчик может лгать, да и зачем ему это?

Его перевели за город, в детский дом, там ему и дали новое имя, которое узаконили сначала в детдомовских ведомостях, затем – в отделе регистрации города. Его крестным отцом-нарекателем стал случайный человек – завхоз. Сестра-хозяйка спросила, когда надо было записать, на кого выписана подушка и постельное белье:

– Только вот, как его записать?

– Что ж тут думать? – сказал завхоз. – Пусть будет его фамилия Непомнящий. Хорошая фамилия и довольно-таки распространенная. А звать его будем...

Он внимательно посмотрел на Ивана.

– Мальчик белобрысый, голубоглазый. Явно русский. Пусть будет Святославом.

Так и появился на свете Святослав Непомнящий, сокращенно – Свят. Так он и стал теперь жить – Святом.

Многие дети имели родственников или даже родителей, но почему-то содержались в этом сиротском приюте, как и те, кто был совершенно один. Посетители приходили по воскрес-

ням, часто забирали детей с собой, и Свят оставался с бесхозными мальчишками и девчонками в пустом доме, где в выходные дни пахло хлоркой, а в широких коридорах было слышно эхо, и окна отражались в чистом полу, как в зеркале... Однажды пришли и к нему.

Когда нянечка сказала Святу, что во дворе его ждут, он не поверил своим ушам. Почему эти люди опять нашли его – с другим именем, в другом городе?

В голове немедленно сложился план очередного побега. Можно оттолкнуть нянечку и выскочить через окно. Но как он справится с нею, такой толстой? Женщина крепко держала его за руку, тянула:

– Идем! Тебя уже ждут!

Свят тащился по коридору, порой скользя сандалиями по натертому паркету. Как и тогда, нестерпимо захотелось в туалет...

Нет, страх не оправдался. Это была всего лишь старушка, та самая, что беспокоилась о нем на вокзале. Ее звали Анна Ивановна, и была она не такой уж старой: в том году ей исполнилось пятьдесят три, точно, как Святу сейчас.

Разыскать потерявшегося на вокзале малыша было не сложно, и вот она пришла навестить его. Недели через две Анна Ивановна пришла снова, затем стала приходиться каждое воскресенье, а в начале лета, когда кончились занятия, и вовсе забрала его домой, оформив опеку.

Так, у Анны Ивановны прожил он несколько лет, закончил школу, ушел в армию и вернулся. В тысяча девятьсот семьдесят восьмом Анна Ивановна умерла, Свят унаследовал ее квартиру.

Он уже давно не вздрагивал, если кто-то произносил его настоящее имя, звал, скажем, на улице какого-то Ивана. Жизнь заставила его забыть о страшных событиях детства, да и не было рядом никого, кто знал об этом и мог бы напомнить ему.

Наверное, по этой причине и не обрел он настоящих друзей. Друг – это тот, кому доверяют тайны. У Свята же была тайна, которую он не мог доверить никому. Безмерным, космическим было его одиночество.

Впрочем, была одна попытка завести друга, рассказать ему все, но кончилась она плачевно. Витька слушал его, слушал, затем вдруг сказал:

– А мой дедушка на войне погиб. Как ты говоришь, тебя на самом деле зовут?

– Никак, – сказал Свят.

– А вот я расскажу всем, что ты не тот, кем называешься! Может быть ты – фашист, а?

Это было в пятом, что ли, классе... Конец шестидесятых. Близкое дыхание Великой Отечественной. Дети играют в войну, делятся на немцев и русских. «Фашист» – довольно часто употребляемое ругательство. Почти у всех воевали деды, чьи-то погибли, чьи-то пропали без вести. Были в поколении и такие ребята, у кого воевали отцы. Война проросла через обыденную жизнь, словно какая-то грибница. Витька почему-то сильно рассердился на Свята, ругался, в довершении заявил, что также было эхом Великой Отечественной:

– Вот начнется война, пойдем в атаку, и я тебя первого в спину убью.

Свят бросился на него с кулаками, крича:

– Сам ты фашист!

Обиделся Витька непонятно за что. Может быть, потому, что Свят со своей тайной стал неожиданно большим и значительным. Бывший друг рассказал тайну Свята одному, другому... Никто не поверил. Никто не обратил внимания, вскоре все это забылось. С тех пор Свят не делал попыток поделиться с кем-либо – ни с приятелями, ни с женщинами.

Шли годы, многие знакомые хоронили родителей, обретая то нелепое чувство крайнего, с которым Свят и так вырос на земле. У всех этих людей осталась от родителей какая-то память: вещи и фотографии. Свят тосковал по самому образу родителей: то ему казалось, что он ясно помнит их лица, то у отца, сидящего над свечой за столом, вместо лица дрожало желтое пятно.

Фотографии, конечно, были у тети, Свят сам видел их в альбоме. Казалось бы, чего теперь стоило: сесть в электричку и поехать в Курск? Название улицы и номер дома он помнил, но даже представить себе не мог, как заявится к ней и как объяснит то, что с ним произошло.

Иногда ему казалось, что ничего этого не было. Вернее, вся его история, возможно, была несколько другой: одни события действительно произошли, другие – существовали только в его воображении.

Какие-то люди ворвались в его дом и застрелили родителей на его глазах – отрицать это невозможно, а вот дальнейшее вполне можно поставить под сомнение. Был ли на самом деле в городе Курске человек-месяц, точно ли он сидел в машине? Была ли в детской коляске кукла, а не самый обыкновенный ребенок, в то время как по улице совершенно независимо ехала какая-то «Волга»?

Ясно, что всеми мыслями Свята в то время руководил страх, а страх может что угодно нарисовать. Даже незнакомца, который пришел забрать его из школы, тоже можно объяснить самыми простыми причинами. Допустим, тетя Шура в тот день по какой-то причине не смогла его встретить, а поручила сделать это своему другу, ведь мог быть у нее какой-то мужчина... Выполняя поручение, он решил назваться дядей, родственником – ведь разве отпустят первоклассника из школы неизвестно с кем?

В результате собственной галлюцинации Свят бежал из города, который приютил его, потерял свое имя, переместился в другую, совершенно новую жизнь.

Иногда Святу так и казалось: он совершил ошибку, просто совершил ошибку из страха. Никто не преследовал его. Никакой тайны не было, а в тот день в дом ворвались двое обыкновенных грабителей.

Ребенка, чья психика чем-то сильно травмирована, в наши дни берут под опеку врачи, его могут долго и бережно реабилитировать, особенно, если у родственников водятся деньги. Свята же просто взяла к себе тетка. Не справившись со своим ужасом, он попал под власть галлюцинаций и сбежал от нее.

Не было никаких преследователей. Вся его жизнь шла совершенно не так, как он ее мыслит. И он хотел во что бы то ни стало найти могилу своих родителей.

Постепенно это стало навязчивой идеей: Свят должен был поехать туда.

Проблема была только в одном: он понятия не имел, где расположен этот шахтерский поселок. Даже и близко, как говорится. Его малая родина с одинаковым успехом могла находиться в любом угледобывающем районе страны. То, что шахта была угольной, сомнения не вызывало: Свят помнил, как взрослые постоянно употребляли ласковое, жгучее слово «уголек» да и черная пыль была в доме повсюду, словно шахта дымила ею, и Свят рисовал пальцем на различных плоскостях – на подоконниках, на крышке сундука... И кончик пальца был черным.

Мучила Свята и еще одна загадка. Мальчика, не помнящего родства, обязательно должны были объявить в розыск: сначала по Орловской области, потом – во всесоюзный. В Курске в то же самое время не мог не начаться розыск со стороны тети: ведь мальчик просто ушел из школы и пропал. Рано или поздно у кого-то на столе должны были встретиться два дела, две фотографии: одна из Курска, другая – из Орла. Почему же этого не произошло?

Время было вполне благополучное, милиция спокойно, рутинно работала. Мало-помалу Свят пришел к выводу: тетя по какой-то причине не заявила его в розыск.

В принципе, мысль, что пришла ему в детстве, когда он шел по железнодорожным путям, отправляясь в неизвестность, в новую жизнь, была не такой уж безумной. Он тогда подумал, что и учительница, и тетя Шура – все они действуют заодно... Такое вполне реально: ведь могут же быть среди членов какой-то обширной преступной группировки или мистической секты и учителя, и чьи-то родные тетушки...

Новая логическая цепочка внезапно выстроилась в его голове. А что если причинно-следственная связь событий совершенно другая, попросту обратная?

Он почему-то решил, что Человек-месяц приехал за ним из шахтерского поселка в Курск. А почему не наоборот? Может быть, центр странной организации как раз и находится в Курске, и тетушка причастна к ней, и именно она и навела этих людей на сестру и ее семью... Они убили мать и отца, а его упустили. Тогда тетушка сама приехала за ним и забрала его в Курск, поближе к логову тайного общества.

Однажды Свят решил: он поедет в Курск. Собирался недолго. Сел на утреннюю электричку в первую же субботу.

* * *

Трамваи в этом городе по-прежнему давили кур, хотя прошло уже много лет с той поры, как он бежал отсюда. Городок ничем не отличался от Орла, только более глухой, какой-то тихий, провинциальный. Даже и речка – другая, но так же разрезающая город на кривые районы – была мельче и уже.

Дверь открыла взъерошенная школьница. В квартире были ее родители, угрюмые, полупьяные люди. Они обрадовались не Святу, а бутылке шампанского, которую он держал в руке. Он помнил, что у тети в холодильнике стояла бутылка шампанского...

Нет, они не знают, куда делись предыдущие жильцы из этой квартиры. Они получили ее по ордеру. Кто-то здесь умер, квартира отошла государству, они переехали из коммуналки. В каком году? Да, в девяносто первом. Успели. На следующий год уже началась неразбериха, развал Союза. Квартиры уже перестали давать. Хочешь – покупай. Шампанского давно уже не пили, с нашими доходами, кхе...

– А на каком кладбище похоронили эту женщину? – спросил Свят, уже вставая, чтобы уйти.

– Женщину? – удивилась хозяйка. – Да нет. Здесь жил и умер старик.

Заметив недоумение гостя, решили позвать пожилую соседку. Та прояснила ситуацию, и Свят понял, что на кладбище идти ему не за чем.

Старик не всегда был стариком. Въехал в эту квартиру еще вполне упитанным, трезвым мужчиной. Получил квартиру, после того, как пропала Шура, царствие ей небесное.

– Как пропала? – спросил Свят.

– Да просто. Не стала ее и всё. Сначала племянника обыскалась. Он дома не ночевал. Собралась идти в милицию заявить. Но в тот же день пропала и сама.

– Ее, конечно, объявили в розыск?

– Наверное.

– А племянника?

– Не знаю. Шура-то сетовала как раз, что фотографии его у нее нет.

Так вот оно что, – думал Свят уже по пути на вокзал. Выходит, он зря грешил на эту бедную женщину, обвиняя ее невесть в чем. Вот почему тетя не объявила его в розыск. Ее также убили. Может быть, из-за того, что она прятала его, а может быть – по другой причине... Свят вдруг подумал, что дело тут в родственной крови. Тетя была сестрой матери. Что если какие-то силы озабочены уничтожением определенного рода, его семьи, фамилии? Позже (много позже, через время, которое трудно вообразить в масштабах жизни одного человека) Свят вспомнил свою догадку, одну из многих, и удивился, насколько она была близка к истине...

Этого не могло не случиться

Это было последним происшествием, связанным со смертью родителей. Несколько десятилетий старая история никак не отзывалась в реальности человека, который носил имя Святослав Непомнящий.

Он был таким же как все и делал то же, что и все: учился и работал, женился и переехал жить в Москву, родилась у него дочь, развелся, когда девушке исполнилось двадцать лет и она ушла из дому к какому-то парню. Квартиру разделили на две, в разных спальниках столицы, бывшая жена считала, что Свят ограбил ее, откусив половину площади, она не пожелала продолжить общение с ним, «расстаться друзьями», дочь появлялась три-четыре раза в год, исключительно чтобы попросить денег.

Известный в узких кругах журналист, пишущий на индустриальные темы, в последние годы подвизавшийся на коттеджном строительстве. Печатался он под псевдонимом, хотя само по себе Святослав Непомнящий и выглядело каким-то вычурным вымышленным именем. Литературный псевдоним ему пришлось менять дважды. Боялся, что найдут, вычислят даже и под тройным слоем льда. Страх иногда возвращался, словно приступ застарелой болезни.

Будь он не просто обыкновенным, бывшим советским человеком, нынче – каким-то «россиянином», а полноценным героем романа, точно бы закончил горный институт, стал бы хорошим маркшейдером и вырвал бы у Хозяйки Медной горы ее мрачную тайну.

То, что все эти события были связаны с шахтой, уже давно не вызывало сомнения. Никаких особенных сведений, никаких теорий – просто чувство и все. Чувство шахты. Ее глубокое, полное ровного гула молчание.

В мире исчезало множество людей. Исчезало бесследно, будто и впрямь сквозь землю проваливаясь. Чаще всего это списывалось на козни инопланетян. Вряд ли, – думал Свят. – Козни, может быть, и существуют, но здесь что-то другое...

Он пытался вычертить карты, чтобы связать эти точки с местами расположения шахт, но вскоре бросил свою затею. Во-первых, сведения о пропавших были скудны и противоречивы, а во-вторых, вся кора планеты была просверлена шахтами, будто мы живем на каком-то муравейнике.

Годы сделали свое дело: перевалив за пятидесятилетний рубеж, Свят уже и не каждый день вспоминал историю своего детства, своих несчастных родителей, свою мрачную тайну. Да и приступы страха становились все реже.

Мир изменился круто, драматически. Ушла в небытие страна, где он родился, вырос и возмужал. В старость свою он вступил уже совсем в другой реальности, мало ему понятной, враждебной и наглой, как ватага уличной шпаны. В быт вошли компьютеры и сотовые телефоны, всеобщая матерщина и навязчивый рекламный сервис. С телеэкрана сладко пели, что ты самый лучший, что ты чего-то там достоин, а думают о тебе не родные и близкие, а некая Тефаль. Все это было ложью. Он был один во всей вселенной.

Путешествуя по интернету, Свят набрел на сайт, где общались дети-сироты, детдомовские дети. Были там и молодые, и не очень, люди разных взглядов и поколений, но все они несли в себе нечто общее – глубоко скрытое, безмерно доброе, хотя многие и бравировали своей озлобленностью на весь мир. Свят хорошо знал истинную цену этой бравады, она была способом защиты, и он легко нашел общий язык с несколькими посетителями сайта.

Он проводил вечера в бесконечных беседах, тихо постукивая клавишами, и было ему здесь легко и комфортно... На Анастасию, Настю он поначалу не обратил внимания: слишком шикарная женщина, Свят пролистал ее личные страницы с грустью, подумав, что не было у него и теперь уж никогда не будет такой вот красавицы. Все взорвалось внезапно, неожиданно.

Читая ее последнюю запись, Свят не верил своим глазам и в то же время думал, что да – он всегда знал: нечто подобное с ним рано или поздно произойдет.

«Я никогда никому не рассказывала эту историю, – писала Анастасия, – но здесь я вижу теплое отношение друзей. Все мы выросли без родителей. Все мы хлебнули горя. У кого-то родители рано умерли, кого-то они бросили. А моих родителей убили. На моих глазах...»

Вот как это было. Мне было восемь лет, когда это произошло. Мы поехали всей семьей на пикник, на речку, на круглую полянку. Мама, папа и я. Вдруг появились какие-то двое мужчин и начали стрелять. Они не сказали нам ни слова, просто начали стрелять и всё...»

Свят отвел глаза от монитора и откинулся на спинку стула. Он хотел и не хотел читать дальше этот довольно длинный пост. Всю свою жизнь он провел наедине с тайной. Готов ли он к тому, что тайна будет раскрыта через несколько минут?

«Есть в жизни моменты, когда я могу быть готова на любой, даже самый отчаянный поступок! – продолжалась запись, безыскусная в стиле и грамматике. – Я бросилась с обрыва в речку, хотя очень плохо умела тогда плавать. Течение там было сильное, в воде торчали коряги. Я зацепилась за одну и спряталась за ней. Эти двое стояли на обрыве, смотрели. Потом один сказал другому: ясно, что девчонка утонула.

Но это еще не всё. Я долго сидела в холодной воде, держась за корягу, сидела, пока не стемнело.

Ночью я дошла до окраины поселка и обратилась в отделение милиции. Вместе с ними я приехала на берег, где всё это произошло, но там не было ничего, только потухший костер. Мне сказали, что похоже на этом месте действительно веселились какие-то люди, но они просто ушли и всё. Как всегда, намусорили и ушли. Менты не поверили мне. Обозвали фантазеркой.

Я пришла домой. Ключей от квартиры у меня не было, и я влезла через балкон соседей. Соседи меня успокаивали, говорили, что родители еще вернутся. Но я-то знала, что этого не будет.

Под утро кто-то стал открывать дверь ключом. Я увидела через зеркало, из своей комнаты, что в квартиру вошли те двое, что были на берегу. Я опять забралась на балкон соседей и спряталась там.

Они что-то искали, открывали шкафы, заглядывали под кровати. Вскоре я поняла, что искали они просто-напросто меня, потому что услышала, как один из них сказал:

– Девчонка утонула. Зря мы сюда пришли.

– Тогда надо найти ее труп и привезти хозяину, – сказал другой.

Я вдруг с ужасом поняла, что им нужны были трупы, не люди, а трупы зачем-то. И что тела моих родителей они уже куда-то доставили. Какому-то хозяину.

Потом со мной происходили другие странные вещи. И они были связаны со смертью моих родителей».

На этом запись заканчивалась. Свят написал на странице этой женщины, что и с ним произошло нечто подобное, просил ее отозваться. Вероятно, она не часто заглядывала на свой ресурс, поскольку ответ появился лишь через неделю.

«Дорогой Свят, здравствуйте! – говорила Анастасия. – Я была малолетней, поэтому меня взяла к себе жить семья дальних родственников. Я переехала в другой город, к ним. Но эти люди появились снова. Каким-то образом они нашли меня. Я не понимаю, зачем это им было нужно и не могу это объяснить. Простите, что ответила не сразу: я в интернете редкий гость».

Свят спросил, где произошло нападение на родителей Анастасии, что это за город, была ли в этом городе шахта? Ответ был таким, какой Свят и ожидал: шахтерский поселок в Украине. Был ли этот поселок на холме, на котором стояли дома с садами? Да, точно так. Теперь Свят знал, где он родился, где стоял его дом, где были убиты отец и мать.

«Вы помните кого-то из этих людей? – спросил Свят во время очередного сеанса связи в чате, – Какие-то характерные черты? Я, например, одного из них хорошо помню. Про себя называю его Человек-месяц».

Странно, но Настя сразу поняла, о ком говорит Свят.

«Человек-месяц? – переспросила она. – Верно. Один из них был точно такой».

Один из убийц. Она очень хорошо помнила его профиль: острый подбородок, лоб, нависающий над маленьким носом. Она видела его ясно, словно чеканку на монете.

«А еще я помню рыжего дядю Бобу».

«Я тоже знаю дядю Бобу! – ответил Свят. – Но я просто встречал его на улице, да и домой к нам он заходил. Не думал, что он причастен ко всему этому».

Дальнейшая их переписка проходила уже не на страницах сайта, не для всеобщего обозрения. Свят поведал незнакомке то, чего не говорил никому на свете – открыл свое настоящее имя. Впрочем, она по-прежнему называла его Святом, сказав, что так ей больше нравится. А он называл ее Настей. Слово за слово, они договорились о встрече. Настя теперь жила в Киеве, и Свят решил поехать туда. Главной целью был все же Первомайский – так назывался шахтерский поселок, где все произошло. Наконец-то он вырвет у времени тайну всей своей жизни. Иначе не успокоится, иначе вся его жизнь просто-напросто растрочена зря.

Настя была на год младше Свята, но выглядела гораздо моложе. Никогда не была замужем, не имела детей, поэтому и сохранилась. Иногда он думал о ней с замиранием сердца: ему казалось, что между ними вполне могла бы возникнуть любовь. На склоне лет. Последняя любовь.

Она продолжала свою историю. Тогда ее взяли к себе жить днепропетровские родственники матери. В этом городе у нее появились новые друзья и подруги, пережитый ужас медленно забывался. Однажды она обнаружила, что за ней следят.

Это открылось случайно: какой-то человек с газетой сидел в сквере напротив школы, она заметила его один раз, другой... Где-то она его уже видела, откуда-то она его знала, но память сыграла с нею недобрую шутку: лица и события, которые были в ее жизни до того страшного дня, теперь казались едва различимыми, будто сквозь мутную воду. Вот почему Настя и беспокоилась. Рассуждала она так: если этот человек ей отчего-то знаком, то значит – он из прошлой жизни, из шахтерского поселка, больше неоткуда...

Едва подумав об этом, девочка узнала его. Это был на весь поселок известный весельчак, который никогда не упускал возможности остановить кого-нибудь на улице и потрепать. Все звали его дядя Боба.

Как дядя Боба оказался в Днепропетровске? Почему дядя Боба облюбовал себе именно эту лавочку, именно в то самое время, когда у Насти заканчивались уроки? А может быть, это и не дядя Боба вовсе, а просто похожий на него человек – ведь шахтерского дядю Бобу она знала не очень хорошо, видела не часто и не близко, узнавала издали лишь по шарообразной рыжей шевелюре.

На другой день Настя с опаской выглянула в окно школы, прежде, чем выйти на улицу. Дядя Боба сидел на лавочке, как и вчера. Вдруг мимо него прошел высокого роста мужчина и бросил что-то ему на колени, не останавливаясь, как это делают шпионы в кино. Дядя Боба поспешно спрятал предмет за пазуху. Это был серебристый пистолет.

Она хорошо помнила: оружие в руках убийц на берегу было точно такое же – маленькие серебристые пистолеты.

Настя вышла из школы через столовую, не вышла даже, а опрометью выскочила, прибежала домой и все рассказала Григорию Петровичу – человеку, в семье которого жила.

Он доводился ей троюродным братом, хотя по возрасту годился в отцы. До революции русские семьи были многодетными, чуть ли не каждую мать по стандартам советских времен можно считать «героиней», и разница между старшими и младшими достигала порой многих

лет. Так и вышло, что младший брат деда Анастасии зачал ребенка уже в преклонном возрасте, этим поздним ребенком и был Григорий Петрович.

К счастью, в местной милиции служил его знакомый, и он, в отличие от своих коллег в шахтерском поселке, внимательно выслушал девочку. Как рассказал потом Григорий Петрович, к школе выехала машина с оперативниками, и подозрительный субъект был задержан.

Что произошло с ним дальше, Настя не знала, потому что на любые расспросы Григорий Петрович отвечал хмурым молчанием. Просто не хотел говорить.

– За тобой больше не следят? – наконец, спросил он на очередной вопрос девочки.

– Нет, не видела, – сказала Настя, – хотя всегда смотрю, оглядываюсь...

– Так и не оглядывайся! – строго сказал Григорий Петрович. – Он не вернется *никогда*.

Так оно и было. Ничего подозрительного Настя не замечала, вскоре и вовсе перестала думать о рыжем человеке, который был похож на дядю Бобу. Через год Григорий Петрович умер от сердечной недостаточности, и Настя так и не узнала, что сделала днепропетровская милиция с ее странным соглядатаем.

* * *

И вот, теперь, впервые в жизни она встретила человека, который сможет ей что-то объяснить. Иногда ей казалось, что она заочно в этого мужчину влюбилась...

Правда, переписываясь с новым знакомым, Настя рассказала ему не все. Например, она никак не могла начать тему «лисы». Вдруг Свят просто сочтет ее за сумасшедшую?

«Оба нападения произошли в нашем поселке, – писал Свят. – Разница между нападениями два года. Это значит, что тогда в поселке действовала какая-то группа людей, которым были нужны трупы. Причем, трупы целых семей в составе».

«Почему только в нашем несчастном поселке? – отвечала Настя. – Может быть, это вообще – мировой заговор. Огромная гидра с множеством щупальцев. Наша малая родина – всего лишь одно из них».

«Нет, исключено. Я сейчас объясню, почему. Дело в том, что у этих людей явно существовали связи в местной администрации, милиции... Но не в учреждениях других городов.

«Ты уверен?» – спросила Настя (они уже несколько дней, как перешли на ТЫ).

«Более, чем. И тебя в Днепропетровске, и меня в Курске они нашли не сразу. Появились спустя какое-то время. Это значит, что им было лишь приблизительно известно, куда отвезли детей. В поселке у них были свои люди. Убийцы получили информацию – названия городов, имена родственников, не более. Дальше действовали самостоятельно, думаю, через адресные столы. Как фамилия твоих родных, в Днепропетровске?»

«Матешко».

«Ну вот, правильно! Матешек на Украине множество. А у моей тетки, Сидоровой, в Курске – так и еще больше полных тезок. Они следили за адресами, проверяли каждый. То есть, по утрам кто-то должен был сидеть у дома, что ли, наблюдать – не выйдет ли тот мальчик или та девочка. Если это были один-два человека, то процесс довольно долгий».

«Точно! Дядя Боба ведь и у школы сидел».

Свят довольно долго молчал. Они беседовали в режиме чата, она чувствовала, что где-то далеко, в инет-пространстве, о чем-то размышляет мужчина, которого она никогда в жизни не видела, но который ей стал ближе всех людей на свете. Наконец, от него пришли слова:

«Да. Они вполне могли сидеть у школ. Ведь вовсе и не обязательно, что в поселке были известны фамилии родственников. Только города. И впрочем, у этих людей и вовсе могло не быть никаких связей в местной администрации. Просто, по слухам от соседей было известно: забрали родственники в Курск, родственники в Днепропетровск».

«Так значит, нет никакой всемирной корпорации...» – разочарованно нащелкала Настя, будто чувствуя, что над этими словами далекий друг понимающе усмехнется.

«Конечно, хотелось бы ощущать свою мировую значимость, но... По всему видно, что ЭТО – чисто местное явление. Да и дядя Боба наш – обыкновенный человек. Всякие глобальные проекты, козни вездесущих инопланетян отменяем сразу».

«Люди могли быть завербованы ими на службу», – не сдавалась Настя.

«Безусловно. Но не в нашем районе», – пошутил Свят, и Настя будто услышала акцент, с которым прошла по мировой паутине эта цитата из «Кавказской пленницы».

«Почему нет?» – серьезно спросила она.

«Инопланетяне, – разъяснил Свят, – и в самом деле были бы глобальным явлением».

«ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ?» – повысила «голос» Настя.

«Очень многое придется отменить, каким бы заманчивым оно ни казалось. Спецслужбу – тоже. КГБ нашло бы нас в один день. Как и любая другая государственная структура – военные там или всякие научные исследователи... Я прихожу к выводу, что здесь действовал некий одиночка. Опасный. Может быть – безумный. Недаром же твои упоминали какого-то *хозяина*. А Хозяином в народе зовут медведя».

От этих слов по спине Насти прошел легкий холодок. Она вдруг представила себе, что за всем этим стоят не люди, а... животные. Мысль была абсолютная дикая, ничем не подтвержденная. Хотя...

Вот тут-то она и вспомнила про «лису» и чудо! – на другом конце связи Свят задал близкий вопрос:

«Настя, а у вас тогда... Незадолго до того, что случилось на реке, не пропала кошка?»

«Нет, у нас не было кошки. Но мы держали кур в сарае. И в то лето лиса повадилась в курятник...»

«Ты видела эту лису?» – спросил Свят.

«Нет, конечно! Но кто же еще может таскать кур?»

После долгого молчания от Свята пришло следующее:

«Представь себе, что в те годы в поселке действовала некая секта. Ее основал безумец, конечно. Где-нибудь в начале шестидесятых годов, когда мы были маленькими. Секта – это всего несколько человек, они фанатично преданы своему делу. Они поклоняются некоему тотемному животному. А людей приносят ему в жертву. Равно как кошек, кур и прочую домашнюю живность. А обитает это животное где-нибудь в заброшенной шахте».

«Представила», – отозвалась Настя.

Она действительно сидела с закрытыми глазами, ясно воображая то, что он говорит. На этом они простились, но Настя не переставала корить себя за то, что не до конца рассказала Святу правду.

Никакой лисы она не видела. По той простой причине, что кур у них тогда таскала вовсе не лиса.

След чудовища

– Настя! Настенька! Анастасия! – как сквозь воду, слышала она все свои имена, словно Святослав, бывший где-то совсем рядом, надеялся, что одно из ее имен способно вернуть к жизни раздробленное тело.

Она не могла пошевелить даже губами: кусок породы раздавил ее лицо, она чувствовала ниже носа остроугольное крошево из собственных костей, но совсем не ощущала боли. Наверное, боль уже перешла свой мыслимый порог, и мозг, который все еще продолжать жить в погибшем теле, пустился по волнам воспоминаний, словно комок травы по реке.

Очень хорошо помнилась эта река и коряжка, за которой она пряталась от убийц. Сорок с чем-то лет прошло. И вот они снова настигли ее. Настигли и убили.

Да, ее сознание будто двигалось по реке, а берегами была вся ее жизнь.

Самая обыкновенная женщина. Школьная учительница физкультуры. Спортивная форма, сильное, гибкое тело. Долгая юность, красивая зрелость. Личная жизнь не сложилась. Детей она иметь не могла. Настоящей любви в жизни не испытала, хотя прошла через ее сердце довольно длинная вереница мужчин. Безмерно одинока была вся ее жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.